

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.343.65 (510)

О.Д. Барлукова

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

Рассмотрены условия и факторы развития китайской интеллигенции в обществе. Установлено, что они претерпели существенные изменения по сравнению с периодом до «культурной революции». Интеллигенция стала более активной социальной группой, влияющей на ход, содержание и темпы реформ. Социальная структура, функции и источники воспроизводства подверглись трансформации. В процессе экономических, политических и социальных трансформаций общества роль китайской интеллигенции в конце XX в. стала повышаться. С ней связывают будущее развитие Китая.

Ключевые слова: интеллигенция; общество; условия; факторы; Китай.

Развитие интеллигенции как социальной группы определяется различными условиями и факторами. Под условиями понимается то, от чего зависит нечто другое, что делает возможным наличие какого-либо явления (процесса, состояния и т.д.). Фактор же – его движущая сила. «Фактор – воздействующий, влияющий; одно из определяющих обстоятельств; причина» [1. С. 474]. Факторы могут выступать в качестве объективных и субъективных. Их следует различать. Под объективными факторами понимаются условия, не зависящие от субъекта, абстрагирующиеся от его мнения, от природы и интересов субъекта. «Таковы, например, природные условия, достигнутый уровень производства, исторически назревшие задачи и потребности материального, политического, духовного развития» [2. С. 314]. Согласно теории факторов (понимающей в качестве таковых состояние экономики, техники, культуры, религии, морали и т.д.), их совокупностью детерминируется развитие общества.

К субъективным факторам относится целенаправленная деятельность субъектов, их сознание, воля, умение действовать и т.п. Объективные факторы выступают определяющими, но их действие проявляется только через действие субъективных факторов.

Таким образом, условия – это лишь возможное воздействие, а факторы – условия в действии, состоявшие условия.

В качестве определяющего условия, оказавшего влияние на развитие интеллигенции, выступил процесс модернизации китайского общества, вновь начавшийся в последней четверти XX в.

Модернизация традиционного общества – сложный процесс, охватывающий все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую и духовно-нравственную. Нами рассматривается новый модернизм конца XX в., так как говорить о модернизации китайского общества можно начиная со второй половины XIX в.

В общеметодологическом плане старый и новый модернизм отличаются друг от друга. Прежний модернизм основывался на формационном видении единой общечеловеческой истории, характеризующейся закономерным восходящим движением (формационные ступени или этапы). Современный модернизм строится на цивилизационной теории, где основным постулатом

является право каждого народа на собственный социальный эксперимент. Китай как нельзя лучше иллюстрирует данное положение.

Нынешняя, поздняя модернизация, протекающая в условиях интенсивной глобализации и информатизации всего человечества, в очень большой мере испытывает воздействие уже существующих моделей, стимулов и представлений [3. С. 60].

Модернизационная доктрина предполагает насилие государства как организованного инновационного субъекта по отношению к обществу, рассматриваемому как инертная социокультурная среда или периферия роста. В КНР инициатором модернизации является государство, которое довольно жестко руководит этим процессом. Интеллигенция является небольшим социальным слоем, но активно участвует в реформировании общества и играет заметную роль. Мы попытаемся рассмотреть, какие условия и факторы в процессе модернизации влияют на развитие интеллигенции.

Долгое время в основе представлений многих западных Китаеведов о путях перехода в Китае от традиционного общества к обществу современному была убежденность в том, что главным или даже единственным двигателем этого преобразования служит Запад, его культура, институты и технологии. В Китае идеи вестернизации владели умами многих выдающихся интеллектуалов в течение нескольких столетий. Ориентация на Европу служила орудием в борьбе с консерватизмом и отсталостью китайского общества. Ее сторонники подчеркивали отсталость Китая в сфере политики, науки, техники, культуры и необходимость заимствования западных достижений в этих областях. Впервые ориентация на Европу возникла еще на рубеже Минской и Цинской эпох, когда для Китая был открыт доступ к западной науке и культуре. Немалую роль в распространении вестернизаторских настроений играли миссионеры. На этой позиции стояли многие интеллектуалы – от Сюй Гуанци до реформаторов и идеологов «Движения 4 мая». Противоположную тенденцию представляли те, кто отстаивал превосходство национальной культуры, обличая пороки западной цивилизации: индивидуализм, гедонизм, попрание духовного начала в человеке. Между этими полюсами располагались позиции тех, кто по-разному стремился соединить плюсы китайской и западной традиций, отделив их от минусов.

В КНР до 1978 г. идеи модернизации по западному образцу считались «философией порабощения заграницей» (янну чжэсюэ). Этой идеологии противостоял маоистский тезис «опоры на собственные силы».

В середине XX в. кризис как европоцентристской, так и англо-американской модели модернизации стимулировал – и в мире, и в Китае – стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как по преимуществу экономические или политические, но прежде всего как коренящиеся в общем контексте культуры. Культурологический подход отверг поиск единого шаблона модернизации для всего мира, равно как и попытки некритически следовать чужим образцам.

Сторонники этого подхода (к ним можно отнести классика социологии М. Вебера) подчеркивали, что культура оказывает большое воздействие на экономическое развитие, определяя, в частности, мотивацию хозяйственной деятельности, выбор установки либо на личную предприимчивость и инициативу, либо на общинную дисциплину, предпочтение инноваций или стабильности, степень открытости экономической системы внешним связям.

Новую убедительность культурологическому подходу к проблемам развития придали успехи в модернизации ряда стран Восточной Азии, которые заставили пересмотреть прежние представления о модернизационном потенциале восточных культур и прежде всего конфуцианской. Возникло даже мнение, что конфуцианское общество обладает большими, чем общества с иными культурами, потенциями модернизации, что конфуцианство лучше, чем западные культуры, отвечает ее потребностям. Конфуцианство пропитывает профессиональное поведение в любой части Восточной Азии, также как протестантство – на Западе. Оно составляет основу этики бизнеса, а также общественной и личной жизни, определяя в деталях поведение на всех уровнях социального порядка, в каждой сфере повседневной жизни. Некоторые элементы традиции можно считать тормозом для эффективного поведения в бизнесе, но в целом считается, что в этом регионе она способствует экономическому успеху [Там же. С. 62]. Ревнители учения Конфуция обычно указывают на то, что современное конфуцианство сильно отличается от изначальной идеи, и прежде всего тем, что в нем принижен идеал гуманности.

Что касается собственно экономических аспектов опыта «драконов Восточной Азии», то в современном Китае преимущественное внимание обращают на такие его черты, как активное включение в мировую экономику и в систему международного разделения труда, ориентация стратегии экономического развития на экспорт (позволяющая реализовать благоприятный для развития цикл: высокие инвестиции – высокий экспорт – высокие накопления), а также импорт технологических знаний, их усвоение и преобразование и постепенный переход к поиску независимой технологии [Там же. С. 63].

Среди западных и отечественных синологов распространены различные мнения по вопросу изменений, происходящих в китайском обществе последней четверти XX в. В спор вступают парадигмы *moderniti* и «революционных скачков».

Один из виднейших американских специалистов-синологов Дж. Фэйрбенк предлагает вместо термина

«модернизация» применять понятие «трансформация» [4. С. 118]. Отечественные специалисты О.Е. Непомнин и В.Б. Меньшиков говорят о концепции синтеза традиционного и современного и межформационном переходе [5].

Мы говорим о модернизации как о процессе исторического производства, т.е. создания нового (современного) общества. По мнению французского политического социолога А. Турена, когда история страны перестает быть спонтанным процессом и на первый план выходит социокультурная модель, она воплощает «господствующее вождение эпохи». Например, в наше время вожденной целью является рост, процветание, благосостояние. Идеологии конкурируют между собой внутри данной модели. Успех – как общества в целом, так и отдельного класса, слоя или группы внутри него – зависит от того, насколько удачно будет найден ответ на «вызов истории».

Началом курса модернизации китайского общества стал состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. На нем было принято решение перенести центр работы партии и всей страны с «классовой борьбы» и массовых политических кампаний на экономическое строительство.

Важным фактором развития интеллигенции стали экономические реформы. Опираясь на политические установки третьего пленума ЦК КПК, органы власти приступили к реальным шагам по изменению экономической ситуации в стране. Кроме того, курс «раскрепощения сознания» требовал переоценки ряда событий прошлого, и прежде всего признания ошибочности политической установки, согласно которой «классовая борьба должна ставиться во главу угла». Были легализованы возможность возвращения к многоукладной экономике, допущение в рамках социалистической системы частного предпринимательства, и тем самым был сделан шаг в сторону формирования рыночной экономики.

В 1979 г. по решению Госсовета КНР была создана рабочая группа специалистов, в которую входили более 400 практиков и 200 теоретиков, для изучения структурных проблем народного хозяйства. Совместно с хозяйственными работниками они провели исследования экономической структуры более чем в десяти провинциях и городах центрального подчинения. В 1980 г. работа была завершена. Представленный ими отчет стал хорошей фактологической базой для разработки правительством мер по рационализации структуры народного хозяйства [6. С. 10].

На состоявшемся в апреле – мае 1981 г. собеседовании по вопросам социально-экономической стратегии страны были высказаны мнения о возможности только «начальной модернизации» к 2000 г., «модернизации в основном» – в 2020–2030-х гг. и «полной модернизации» за еще более продолжительный промежуток времени [7].

Одним из самых важных факторов стал поворот экономической политики «лицом к человеку». Целью должно было стать развитие общественного производства, которое повлекло бы за собой повышение материального и духовного уровня жизни народа, в том числе и интеллигенции. Однако на пути реформ стояли трудности, связанные с особенностями КНР: слабая эконо-

мическая база, многочисленность населения и ограниченные земельные ресурсы. Поэтому первоочередными задачами являлись обеспечение народа пропитанием, образованием и решение проблемы занятости [8. С. 82].

ХII съезд КПК (1982 г.) отмечал, что жизнь народа улучшилась, но в целом жизненный уровень «пока еще низок». Одновременно на съезде говорилось о том, что государство решило принять действенные меры для того, чтобы постепенно улучшились условия жизни и работы интеллигенции среднего возраста, играющей роль костяка в производстве, строительстве и на всех участках работы. Это – реальное подтверждение повышения социального статуса интеллигенции, произошедшего после «культурной революции».

Начавшаяся первой сельская реформа заложила определенную материальную и психологическую базу для проведения с 1984 г. экономической реформы в городе. В 1984–1986 гг. значительно увеличились реальные доходы, повысился жизненный уровень городской интеллигенции, но начавшиеся реформы не удовлетворяли своими темпами большинство граждан. В 1987 г. темпы роста доходов городского населения сократились. Правительство признало, что примерно у 1/5 части горожан снизился реальный жизненный уровень. Темпы инфляции в 1987 г. были самыми высокими с начала реформы. С этого момента отношение интеллигенции к реформе стало более реалистичным, более рациональным и настороженным. В 1987 г. возникли новые негативные факторы. Инициаторы экономической реформы попытались ввести «шоковую терапию» – убрать «преимущества социализма»: бесплатное жилье, дешевую медицину и систему пожизненной занятости рабочих и служащих. Это затронуло наряду с интеллигенцией все слои городского населения.

В 1988 г. инфляцию не удалось остановить. Не была реализована намеченная ХIII съездом КПК (1987 г.) реформа политической системы. Усиливалось недовольство населения увеличением цен, продажностью чиновников, падением общей морали, ростом разрыва в доходах. В мае 1988 г. в высших эшелонах руководства возникла идея «освобождения цен». Таким способом реформаторская фракция стремилась преодолеть трудности, с которыми столкнулась реформа. Это привело к массовой скупке продуктов, падению юаня, увеличению цен на электро- и радиотехнику в несколько раз, что явилось психологической базой, на которой развернулось в 1989 г. демократическое движение.

С 1992 г. начинается новый виток в развитии реформы. Экономическая обстановка усложнилась. Уровень инфляции составил 14,5%, а в ряде крупных городов – даже 20–30%. В некоторых городах возникли трудности со снабжением населения зернопродуктами и растительным маслом [9. С. 165]. Население стало опасаться торможения реформ, после того как уровень жизни начал падать вновь.

Опрос жителей Пекина в возрасте от 18 до 74 лет с разным уровнем образования показал, что интеллигенция критичнее настроена по отношению к политике правительства и стремится к продолжению демократических преобразований [10. С. 2].

Почвой для недовольства стали расхождения между ожиданиями людей и государственной политикой.

О несовпадении государственных и личных интересов свидетельствовало и сопоставление следующих статистических данных городской жизни: при росте денежной заработной платы рабочих и служащих (включая интеллигенцию) за период 1979–1981 гг. на 44% производительность труда выросла лишь на 6,6%, и, соответственно, усилилась инфляция. Особой проблемой стало реформирование государственного сектора. Ему принадлежали важные для экономики страны предприятия базовых отраслей промышленности: горнодобывающей, энергетической, металлургической и ряда других. Реформирование госпредприятий вело также к высвобождению лишних рабочих рук и увеличению безработицы. В 1998 г. официально насчитывалось 15–16 млн безработных. Фактически цифры были гораздо выше. В числе безработных оказывалась и интеллигенция [11. С. 180].

Проблема безработицы остро стоит в современном китайском обществе. Китайскими исследователями зачастую не учитывается так называемая «скрытая» безработица. Наиболее тяжелое положение в развитых районах Китая, куда наблюдается большой отток наиболее образованной части населения.

Рост общественного производства создал основу для постоянного, хотя и недостаточно устойчивого повышения жизненного уровня населения. Продолжалось увеличение разрыва в доходах различных категорий граждан. Важным фактором развития интеллигенции является вознаграждение интеллектуального труда, которое в Китае по-прежнему оставалось низким.

Практически сведен на нет фактор высшего и среднего специального образования в заработках специалистов, занятых в народном хозяйстве. Мужчина в возрасте 40–44 лет с университетским образованием зарабатывает в среднем лишь на 14% больше, чем с образованием в объеме начальной школы. Женщина со специальным техническим образованием получает меньше, чем мужчина, работающий в сфере торговли или обслуживания, и лишь немного больше, чем транспортный рабочий [12. С. 8].

Для сравнения: в 1956 г. максимальная зарплата университетского профессора (345 юаней) была в 3,32 раза выше максимальной зарплаты рабочего на машиностроительном заводе (104 юаня), а минимальная зарплата ассистента на кафедре (62 юаня) почти вдвое превышала минимальную зарплату рабочего (33 юаня). После реформы заработной платы, проведенной в 1985 г., соотношение максимальных зарплат упало до 2,23, а минимальных – осталось практически неизменным. При этом практически нивелировались различия в заработках профессора, доцента, преподавателя и ассистента. Намного сократилась разница в зарплате преподавателей вузов и школ: в 1956 г. пропорция максимальной зарплаты составляла 2,3 : 1, в 1985 г. – 1,38 : 1, а если учесть надбавки за стаж, за классное руководство, получаемые преподавателями средней и начальной школы, то эта пропорция будет еще меньше. Указанная тенденция еще более усилилась в последующие годы. К январю – апрелю 1988 г. по сравнению с 1985 г. соотношение заработков практиканта и старшего научного сотрудника в исследовательских учреждениях сократилось с 1 : 3 до 1 : 2 [13. С. 2].

Наиболее низка оплата труда преподавателей, за 1987 г. она составила в среднем 1 359 юаней (в средних специальных и высших учебных заведениях – 1 530 юаней, в средней школе – 1 355, в начальной школе – 1 239 юаней). Очень мало зарабатывают работники радио и телевидения, социальных служб [14. С. 64].

Экономические реформы повлекли за собой возникновение различных видов собственности, что привело к увеличению различий в доходах интеллигенции. Так, зарплата специалистов очень сильно зависит от того, работают ли они в общественном или частном секторе. Например, из двух врачей равной квалификации один, работающий в медпункте крупного универсама с совместным капиталом, получает в качестве основной зарплаты 240 юаней в месяц, а с премиями и надбавками – 460–470 юаней, тогда как у другого, являющегося главным терапевтом в пекинской больнице «Туньжэньтан», основной месячный заработок – всего 97 юаней, а с доплатами и премиальными – только 180 юаней [15. С. 65]. Недооценка образовательного ценза в системе распределения доходов ведет к оттоку учащихся из учебных заведений всех уровней – от начальной школы до аспирантуры и докторантуры. Кроме того, снижается качество подготовки специалистов.

За годы реформ Китай существенно продвинулся по пути модернизации ряда отраслей хозяйства, повышения качества и изменения образа жизни населения. Вместе с тем по ряду важных показателей он еще весьма далек от намеченных целей. Китаю понадобится еще несколько десятилетий, чтобы достичь современного уровня производительности труда – такого, как в ведущих индустриальных странах.

Одна из главных проблем модернизации состоит в том, что наличные естественные ресурсы Китая, прежде всего земельные, настоятельно диктуют необходимость дальнейшего решительного сокращения темпов роста народонаселения. В случае же сохранения темпов уже в 2015 г. потенциальная производительность земельного фонда будет недостаточной для того, чтобы прокормить население на уровне «тепла и сытости».

В 8-й пятилетке (1991–1995) существенно вырос и укрепился экономический потенциал Китая, вышедшего по абсолютным размерам своего народного хозяйства на 7-е место в мире. Особенно динамично развивалась промышленность: среднегодовые темпы роста производства достигли 19,9%. В ней занято около 25% интеллигенции. Получили значительное развитие высокотехнологические отрасли, например аэрокосмическая и авиационная промышленность. Начался массовый выпуск электронной аппаратуры промышленного и бытового назначения.

В программных документах по развитию народного хозяйства КНР в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.) особое внимание уделяется подготовке высококвалифицированных кадров, обладающих современными знаниями в области менеджмента, финансов, высоких технологий, информатики, международных отношений и др. Тем самым преодолена негативная тенденция по отношению к умственному труду, образованию и интеллигенции в целом. В перспективе это должно привести к стабилизации и развитию социально-политической и экономической ситуации, оптимизации социальной

структуры китайского общества. Это в свою очередь будет зависеть от продолжения курса модернизации, а также от тех факторов и условий, что влияют на изменение роли и места интеллигенции в китайском обществе.

Успехами экономических реформ можно считать то, что в настоящее время Китай занимает второе место по валютным запасам (после Японии), второе место по привлечению иностранных инвестиций (после США). Но остаются проблемы, связанные с низкой эффективностью работы государственных предприятий. К концу 1995 г. в китайской экономике работало 300 тысяч госпредприятий, где было занято 80 млн человек, или 13% трудоспособного населения, из них 3,45% составляют инженеры и техники [16. С. 72].

Острой проблемой остается неравномерность развития различных регионов страны и увеличение разрыва в доходах городского и сельского населения. Если Шанхай и Пекин по уровню жизни населения занимают по «мировой шкале» 35-е и 39-е место, то провинции Гуйчжоу, Цинхай, Тибетский автономный район – 124-е, 125-е и 133-е места соответственно [17. С. 181]. В данных трех провинциях плюс еще в семи (Синьцзян, Внутренняя Монголия, провинции Нинся, Гуанси, Юньнань, Ганьсу и Сычуань) проживает 72,6% населения малых народностей. Здесь худшие по сравнению с ханцами условия для получения образования и более низкий культурный уровень создают для представителей малых народностей неблагоприятные условия на рынке труда [18. С. 3]. Многие представители интеллигенции переходят в коммерческие структуры. Неравномерное развитие регионов ведет к «утечке мозгов» на юг.

Велики различия в доходах городских и сельских жителей (разница в 5 раз), при том что в деревне живет около 900 млн человек. Из них в 1993 г. приблизительно 431 млн был занят в сельском хозяйстве. Планируется, что в нынешнем столетии эта цифра составит лишь 130 млн [19. С. 207].

Важным фактором развития интеллигенции стали социальные условия. Был принят ряд законодательных актов, направленных на усиление социальной защиты граждан. С 1 января 1995 г. вступил в силу «Закон о труде», регулирующий прежде всего отношения между работодателем и наемными работниками. Установлен минимальный размер заработной платы (неодинаковый в разных городах и районах). Введена пятидневная рабочая неделя. Начала складываться единая система социального страхования, которая предусматривает участие в финансировании социальных мероприятий. Главное внимание в вопросах социальной политики уделяется вопросам занятости трудоспособного населения. Несмотря на возросший поток мигрантов из сельской местности, безработица в городах в 1995 г. не превысила уровня 2,9% [20. С. 48].

Несоответствие образования и научно-технического потенциала потребностям экономического развития, большое число неграмотных и малограмотных людей, низкое качество начального образования, малый удельный вес тех, кто стремится продолжить обучение в средней школе, – все это требовало существенного изменения в организации и содержании учебного процесса, особенно в высшей школе. Китай успешно решает эти проблемы.

Важным фактором развития интеллигенции являются процессы модернизации образования. Китайское руководство признает ведущую роль образования в деле реформирования страны. Хотя здесь и существуют определенные трудности. Задача введения всеобщего начального образования в стране (поставлена еще в 1951 г.) не была полностью выполнена. Было признано, что состояние дел в образовании неудовлетворительное.

Начиная с середины 80-х гг., законодательные акты в КНР стали увязывать модернизацию образования с экономическим реформированием. Этому способствовало провозглашение образования «производительной силой», а науки и техники – «производительной силой первостепенной важности». Основные китайские нормативные акты 90-х гг. базировались на современной теории модернизации – стратегической роли образования в общественном движении и его опережающем по отношению к производству развитии. Для обеспечения этих позиций Китай начал считать инвестирование государства в сферу образования не потребительскими расходами, которые финансируются по остаточному принципу, а важным видом капиталовложений, даже одним из главных источников умножения национального богатства.

Существенное увеличение финансовой поддержки научных исследований как в университетах, так и в научно-исследовательских институтах Академии наук Китая привело к тому, что КНР стала рассматриваться как крупнейший производитель научной продукции, уступающий среди развивающихся стран только Индии и занимающий 15-е место в мире по показателю индекса цитирования.

В годы 6-й пятилетки (1981–1985) государство финансировало 38 научно-технических проектов в девяти отраслях, затратив 1,5 млрд юаней. Полученные результаты дали экономический эффект в 12,7 млн юаней. Было построено 297 экспериментальных баз, 122 испытательных стенда, создано 168 региональных опытных аграрных центров. В 1983 г. была принята программа развития ключевых отраслей науки и техники. К осуществлению этой программы было привлечено 130 тысяч научных работников и инженеров; выделено из государственного и местных бюджетов свыше 9 млрд юаней. Было сделано почти 11 тысяч открытий, 80% которых сыграли значительную роль в строительстве национальной экономики, заложив фундамент для дальнейшего технического прогресса [21. С. 10].

С 1984 г. в стране развернулись масштабные преобразования в хозяйственной системе, а уже в марте 1985 г. были приняты первые конкретные программы технологической модернизации, в частности «Решение о реформе научно-технической системы» и «Решение о реформе системы образования», которые обозначали также и новые пути управления и финансирования в этих областях.

В 1986 г. принят «Закон об обязательном образовании». С целью трансформировать народное хозяйство Китая и форсировать рыночные реформы в 1993 г. была принята «Программа реформ и развития образования».

На XIV съезде КПК в 1992 г. Цзян Цзэминь подчеркнул, что необходимо «поставить образование на стратегические позиции приоритетного развития». Ру-

ководство страны предприняло усилия по поиску новых источников финансирования реформ, закрепленных в законодательных документах второй половины 90-х гг. и прежде всего в принятом в марте 1995 г. «Закона об образовании».

«Новизна текущего этапа реформы и развития образования» по заявлению китайского правительства, определяется созданием в стране благодаря экономическому росту «невиданных доселе благоприятных условий». К 2000 г. по всей стране планируется перейти на всеобщее 9-летнее обязательное обучение и ликвидировать неграмотность среди молодежи и лиц зрелого возраста. Делается акцент на повышении качества и эффективности высшего образования. Стимулируется постепенное создание новой системы образования, главным стержнем которой станут государственные учебные заведения при участии учебных заведений, создаваемых усилиями общественности. В целом образование нацеливается на подготовку большого числа квалифицированных и в то же время хорошо разбирающихся в требованиях рыночных условий хозяйствования кадров.

Развитие образования, науки и культуры тесно увязывается с укреплением позиций духовной культуры. Правительствам всех уровней предписано: включать вопросы духовного совершенствования в общие программы социального развития, увеличивать инвестиции в эту сферу, не приносить интересы духовного развития в угоду кратковременному экономическому росту.

Выступая на Третьем Всекитайском рабочем совещании по образованию в июне 1999 г., премьер Госсовета КНР Чжу Жунци перечислил факторы, содействующие энергичному развитию образования на пороге нового тысячелетия: высокие образовательные запросы населения, его готовность использовать часть накопленных средств на обучение и активность при создании школ, скрытые резервы финансирования системы образования.

Среди условий, стимулирующих этот этап в области реформ образования и развития интеллигенции, нельзя не упомянуть и нацеленность Китая на переход к эпохе «экономики знаний». Подготовка к этому активизировалась принятием в 1999 г. программы информатизации образования и созданием телекоммуникационной сети обучения, покрывающей всю страну. Успехи в области борьбы с неграмотностью очевидны. К 1982 г. количество населения, по сравнению с результатами третьей переписи, увеличилось на 566 млн, и только 325,2 млн человек получили образование: 157,1 – на уровне начальной школы, 52,5 – 2-й ступени средней школы, 5,8 – техникума и 3,8 млн человек получили высшее образование; 23,5% жителей страны были неграмотны или полуграмотны. Результаты четвертой переписи свидетельствуют, что за 1982–1990 гг. возросло как число жителей, имеющих образование (высшее – 10 млн человек), так и число неграмотных. По провинциям доля неграмотных колеблется от 15,88 до 22,81%. За период между переписями появилось около 30 млн «молодых неграмотных» – это те, кто в школьном возрасте не посещал школу. Сопоставление итогов третьей и четвертой переписей показывает, что общий образовательный уровень повысился. В 1990 г. неграмотных старше 15 лет насчитывалось 15,9%, а в 2000 г. – уже 6,7% [22. С. 47].

Кроме того, совершенствование экономической политики предполагает усиление контроля: за рынком произведений искусства, сооружением библиотек, дворцов культуры, архивохранилищ, музеев, домов научно-технического творчества и т.п., улучшением охраны культурных ценностей страны, пропагандой научных и общеобразовательных знаний.

Приведем некоторые показатели модернизации Китая по Чжан Чжо, который является сотрудником Института социологии АОН КНР. Ключевым считается показатель модернизации в области науки и техники. Для оценки используется индекс Дугласа, отражающий вклад, который вносит научно-технический прогресс в экономический рост того или иного государства или региона. Данный показатель в 1952–1957 гг. составлял 46,9%. В 1957–1965 гг. – 20,7%, в 1965–1976 гг. – 3,6%, в 1981–1985 гг. – 30,5%, в 1985–1989 гг. – 30,1%. К концу столетия намечалось довести его до 50%, к 2010 г. – до 60%, а к середине XXI в. – достичь уровня развитых государств (который уже в 50–60-х гг. в ряде случаев равнялся 60–70%) [23. С. 110].

Для государств Азии этот показатель в среднем равен 12,8%. В Китае колеблется от 1% (исследования Дж. Найта и Л. Сонга) до 3,6% (Лю) и 3,7% (О. Байрон и Е. Манолото). Обобщенные данные о воздействии образования на национальный доход по 58 странам за 1960–1985 гг. показывают, что увеличение срока обучения на один год в среднем позволяет увеличить национальный доход на 3%. Экономические реформы повысили «отдачу» от образования в целом по Китаю от 3 до 6% (данные за 1988 г.).

Как показала 4-я перепись населения, в континентальной части Китая среди населения старше 15 лет насчитывается более 200 млн неграмотных и малограмотных. Общее число неграмотных в мире на 1988 г., по сведениям ЮНЕСКО, составило 890 млн человек. Таким образом, уровень неграмотности в Китае и в мире в целом совпадают. По Инкельсу, критерием модернизации служит восьмидесяти 80%-я грамотность взрослого населения. В Китае в 1990 г. этот показатель составил 69%. В 2000 г. 93% населения были грамотны, это значит, что показатель модернизации достигнут.

По данным четвертой переписи, за 1982–1990 гг. число лиц с высшим образованием в расчете на 100 тыс. населения увеличилось с 615 до 1 422 человек. Несмотря на это, по удельному весу молодых людей, поступающих в вузы, КНР все еще значительно отстает не только от развитых стран, но и от средних показателей по развивающимся странам. При существующих темпах роста числа студентов для достижения показателя модернизации понадобится более 30 лет (по прогнозам 1992 г.), а чтобы догнать развитые страны – еще более долгий срок. Китай сможет сравняться со среднеразвитыми странами по удельному весу лиц с высшим образованием только к 2020 г.

В 2000 г. реформа системы образования получила дальнейшее развитие. Наблюдался значительный прогресс в проведении реформы системы управления высшей школой и системы образования. В 1 041 высшее учебное заведение поступило 2,21 млн студентов; всего насчитывалось 5,53 млн студентов. В 772 высших учебных заведения для взрослых принято 1,56 млн че-

ловек; всего обучалось 3,54 млн. В аспирантуре страны при 738 учреждениях науки и образования принято 129 тыс. человек; всего обучалось 301 тыс. аспирантов [24. С. 407].

Данные цифры показывают, что количество обучающихся в высших учебных заведениях превысило прогнозы, сделанные председателем государственного комитета по делам образования Чжу Кайсюань в 1995 г.

На формирование политики в области образования влияло и разворачивающееся «экономическое чудо» в странах Юго-Восточной Азии. Здесь модернизация основывалась на быстром накоплении «человеческого капитала», который наращивался за счет ускоренного распространения образования. Для примера: до 1946 г. удельный вес грамотных в «4 драконах» составлял от 10 до 22%, а сейчас в Южной Корее и на Тайване – 92%, Сянган – 88%, Сингапур – 86% [25. С. 83].

В динамике китайской интеллигенции важную роль играют условия и факторы политического и духовно-нравственного развития общества. Наибольшее внимание привлекли события на площади Тяньаньмэнь. Конец 1986 г. ознаменовался массовым студенческим движением, проходившим под лозунгами дальнейшего углубления и расширения реформы, включая реорганизацию политической системы. Реакцией на студенческие выступления было снятие генерального секретаря Ху Яобана и развертывание кампании борьбы против «буржуазного либерализма». Это укрепило позиции консерваторов в КПК и замедлило темпы реформы.

Следствием событий 1988 г. стали разочарование населения в реформе, утрата правительством авторитета и растущая политизация масс.

События 1989 г. описывают и называют по-разному. Нас интересует роль китайской интеллигенции и ее представителей в этом движении.

Прежде всего это профессора и преподаватели университетов, институтов, т.е. люди, которые находятся в постоянном общении со студентами. Далее это научные работники, выдающиеся интеллигенты, размышляющие над судьбами страны, стремящиеся содействовать прогрессу и развитию Китая, т.е. интеллигенты, работающие в различных руководящих органах КПК, в созданных партией и правительством научно-исследовательских центрах и учебных заведениях.

К ним примыкают и новые люди реформенного Китая – образованные предприниматели, промышленники, которые хотят помочь углублению процесса перемен и обновления.

Играет важную роль и старая демократическая интеллигенция, представители которой занимают посты как в ряде государственных учреждений (в ВК НПСК, ПК ВСНП), так и в руководящих органах демократических партий и организаций КНР.

Наконец, многочисленные городские служащие, в том числе работники средств массовой информации, сотрудники и ученые Академии общественных наук Китая и Академии наук Китая, преподаватели и служащие различных ведомственных и частных учебных заведений и научно-исследовательских институтов.

Всех их объединяют по крайней мере два обстоятельства: их политическое и имущественное положение в современном китайском обществе и политически

активное отношение к жизни, к проблемам выживания и развития нации и государства.

Многие участники событий 1989 г. сами разрабатывали стратегию реформы и считали, что обществу необходимы политические преобразования. Нужно отметить, что не было единого руководящего органа, который бы объединял и координировал действия всех интеллигентов. Движение вылилось в стихийные манифестации, которые стали итогом всего хода экономических реформ. Интеллигенция как наиболее чутко реагирующая на все изменения в обществе социальная группа не могла остаться в стороне.

Модернизация китайского общества последней четверти XX в. явилась важным условием для развития интеллигенции. На данный процесс влияют различные факторы. Сами китайские интеллектуалы по-разному оценивают способы модернизации общества.

Рассмотрим на примере идей Ли Цзехоу (старшего научного сотрудника Института философии АОНК), ставших философским обоснованием дэндовской программы модернизации. Его подход выражает формула: «западная сущность, китайское применение» («си ти чжун юн»). При этом под «западной сущностью» понимается современная социальная реальность Запада, включающая способ материального производства, науку и технологию, образ повседневной жизни. Составной ее частью является западное общественное сознание, или «западные знания» («си сюэ»), охватывающие культурные, экономические и политические идеи, включая марксизм и другие современные философские теории Запада, особенно идеи просвещения – от Бэкона до Канта. Китайская традиция указывает путь, по которому западная сущность может быть развита [26. С. 82].

Ли подчеркивает особую значимость социальных перемен, относится к обществу как к органической системе, преобразование которой базируется на сложном взаимодействии разнородных элементов. Признавая фундаментальное значение экономической структуры в общественном развитии, Ли считает вместе с тем, что культурно-психологическая структура также служит ключевым фактором, определяющим социальные и экономические тенденции, потому подлинной модернизации можно достичь лишь путем одновременных преобразований экономики, политики и культуры.

Ли выделяет три этапа модернизации. На первом («Яньгу юньдун») значение придавали исключительно заимствованию достижений западной науки и технологии, на втором («100 дней реформ» и Синьхайская революция) акцент делался на западные политические институты, на третьем («Движение 4 мая») на первый план вышли культурная традиция, интеллектуальная мысль и системы ценностей. Новый поиск современности в 80-х интегрировал все предыдущие стадии, однако культурно-психологическому аспекту уделяется значительно больше внимания, чем политико-экономической реформе.

С бескомпромиссной критикой идей Ли Цзехоу выступил Лю Сяобо, один из наиболее откровенных радикалов. Будучи антитрадиционалистом и непримиримым противником режима, Лю обвинил Ли в том, что его теориям свойствен традиционный недостаток китайских интеллектуалов: отсутствие абсолютного скеп-

тицизма и мятежного духа, которые позволяли бы полностью порвать с традицией. Он упрекал Ли в тяготении к «золотой середине», «дешевом идеализме», «консервативном идеализме», «фальшивом оптимизме». Однако значительно более серьезный теоретический вызов идеям Ли исходил от другой группы молодых интеллектуалов во главе с Гань Яном. Гань Ян косвенно критиковал основное течение китайских интеллектуалов, включая Ли, за то, что они верят в возможность совершенной стадии развития человеческого общества, на которой это может быть реализовано. По Гань Яну, монистический подход китайских интеллектуалов к поиску конечной истины в духе глубокой социальной вовлеченности неизбежно ведет к суровому подавлению индивидуальной самости и одновременно слишком тесно интегрирует интеллектуальную дискуссию в структуру власти.

Особые сложности возникают в деле организации таких важных областей, как политические и правовые структуры, менталитет народа. Ряд исследователей убеждены, что преодолеть эти сложности трудно без модернизации самой конфуцианской традиции. Быть может, конфуцианству уготовано вновь трансформироваться в современных условиях и в обновленном виде сыграть свою роль в деле модернизации китайского общества. В то же время нужно помнить, что китайскую традицию нельзя отождествлять исключительно с конфуцианским наследием. Помимо конфуцианства, легизма и даосизма, заложивших основу китайской традиции, большую роль в ее эволюции сыграл буддизм. Немалое значение имели также бесчисленные местные институты и обычаи.

Преобразования стали возможны благодаря тому, что Дэн Сяопин поставил экономикой впереди политики, следуя собственному принципу: «если хочешь много сделать, не следует вступать ни в какие дискуссии и не заботиться о том, чтобы после смерти тебя называли великим марксистом».

Созданию в Китае условий для функционирования интеллигенции послужили факторы, способствующие прогрессивному развитию: экономические реформы, развитие политических и законодательных институтов гражданского общества, а также противостоящие им психологические: боязнь перемен, недоверие к внешнему миру, страх перед возможной нестабильностью. Китайская интеллигенция с энтузиазмом поддержала реформы, которые повысили ее социальный статус. В то же время ею высказываются опасения в связи с возрастанием коррупции, упадком морали и превалированием во всем обществе материальных выгод.

В социальном слое интеллигенции можно выделить три группы, имеющие разные подходы к вопросу о реформах и дальнейшем развитии страны. Первая группа считает важной опору на традиционную культуру, вторая стоит за синтез традиций с индивидуальной ответственностью, а третья отвергает традиционную культуру и выступает за заимствование западной политической системы и системы моральных ценностей. Отсюда различные культурно-политические ориентации среди интеллигенции.

Первая группа видит причину политической коррупции и падения морали в пренебрежении конфуцианскими ценностями. В этом она обвиняет Мао Цзэду-

на. Он считал конфуцианскую этику отсталой и пытался ее искоренить. В то же время тоталитарный режим и плановая экономика способствовали сохранению традиционных ценностей, хотя и в извращенном виде. Эта группа считает, что нужно критически пересмотреть конфуцианство, и тогда конфуцианские добродетели станут помогать делу модернизации. Основную роль в этом должна сыграть партия и государство. Ло Гоцзе, председатель «Китайской ассоциации по изучению этики», требует в этом смысле слияния сфер морали и политики, которое должно быть обеспечено монополией на руководство со стороны КПК.

Вторая группа интеллигенции видит предназначение современного изучения конфуцианства в повышении национального самосознания и веры нации в свои силы. Конфуцианские добродетели (человеколюбие, коллективизм, идеи самосовершенствования и стремления к гармонии) ценны не сами по себе, а должны дополняться разумом отдельного индивида. Необходимо формировать гражданское сознание населения.

Указанные две группы интеллигенции видят в образовании основу укрепления национальной мощи, добижаются увеличения ассигнований на образование и научно-исследовательскую деятельность. Планировалось к 2000 г. увеличить долю средств, выделяемых на образование, до 4%, а на научно-исследовательскую работу – до 1,5% [26. С. 84].

Третья группа интеллигенции видит причину политической коррупции и упадка морали в однопартийной системе и считает необходимой демократизацию политической системы. Например, Вэй Цзиншэн, лидер демократов, считает это главной предпосылкой для решения всех социальных и экономических проблем. Для успешного продолжения реформ необходимо формирование демократического сознания общества. Эта группа интеллигенции требует свободы слова, многопартийной системы и соблюдения прав человека. Правительство считает этих людей политическими диссидентами, стремящимися свергнуть существующий режим, и преследует их. Против них были проведены политико-идеологические кампании, такие как борьба с «духовным загрязнением» в 1983 г. и с «буржуазным либерализмом» – в 1987 г.

Китайское общество с 1978 г. стало более открытым. Несмотря на применение суровых мер против студенческих выступлений 1989 г., китайский интеллигент стал более свободен в личном выборе, чем когда-либо с 1930-х гг. В городах стало относительно легко сменить работу, квартиру, место учебы. В целом выбор Китая стратегии модернизации в переходный период осуществлялся с учетом двух основных моментов: гарантии сохранения политической стабильности и рационального использования стратегических ресурсов. Задачей реформы стало создание управленческой системы современного уровня. Она должна отвечать условиям быстро модернизирующегося унитарного государства с огромными территориями и населением, прочными традициями, однопартийной системой и сильной позицией центра.

Существенную роль в развитии китайской интеллигенции в период после 1978 г. сыграли тяньаньмэньские события мая – июня 1989 г. Если до этих событий

существовала негласная, но активная поддержка со стороны правительства, не был ограничен доступ западных идей, то начиная с 1989 г. идеологический контроль ужесточился. Особенно данные события затронули гуманитарную интеллигенцию.

Интеллектуальное сообщество отнеслось к ужесточению политического давления по-разному. Одни, не желая подчиняться какой бы то ни было форме политической цензуры, прекратили активную политическую и исследовательскую деятельность. Другие уступили призывам заняться разоблачением вреда, наносимого «буржуазной либерализацией», в обмен на обещание достойного вознаграждения. Третьи спокойно продолжали свои исследования, терпеливо ожидая возможности публикации результатов в тех научных журналах, которым партийное руководство позволяет выходить.

Наиболее творческий подход в преодолении возникшей ситуации проявили студенты-гуманитарии. Поскольку им не позволено было собираться в неформальные кружки по изучению западных социальных теорий, они организовали независимые группы по изучению классических произведений марксизма и Мао Цзэдуна, не давая партийному руководству повода для запрета подобных дискуссий, но заставив проявить определенную нервозность ввиду не поддающихся контролю интерпретаций, высказываемых в ходе обсуждения.

Примерно по такому же пути пошли молодые университетские ученые, которые регулярно проводят междисциплинарные семинары по различным проблемам науки.

В течение нескольких лет, прошедших после событий на площади Тяньаньмэнь, политическое руководство Китая неоднократно подтверждало свою приверженность политике открытости внешнему миру. Основные атрибуты политики сохраняются: и интеграция с мировой экономикой, и обучение студентов за границей (хотя их численность значительно уменьшилась), и приглашение преподавателей из-за рубежа (главным образом по иностранным языкам), однако участие в совместных проектах по общественным наукам обществоведческого направления ученых из разных стран сильно затруднено препятствиями бюрократического и политического характера. Поэтому данное исследование является одной из попыток обобщить имеющиеся данные и в дальнейшем будет предпринята попытка проведения эмпирического исследования совместно с китайскими учеными.

В заключение нужно отметить: условия и факторы развития китайской интеллигенции в современном обществе в целом благоприятны для данного социального слоя. При дальнейшем углублении реформ, особенно в политической сфере, думается, что китайская интеллигенция займет положение, достойное ее интеллектуального уровня, профессиональных качеств и высоких нравственных устоев; китайская интеллигенция развивается в условиях быстро модернизирующегося унитарного государства с огромной территорией и населением, прочными традициями, однопартийной системой и сильной позицией центра; в ходе реформ китайского общества можно найти сходные черты с российской постперестроечной историей (например, борьба «консерваторов» и «реформаторов»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краткая философская энциклопедия*. М. : Прогресс-Энциклопедия, 1994. 576 с.
2. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М. : Политиздат, 1991. 560 с.
3. Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис: политические исследования. 1995. № 5. С. 60–67.
4. Березный Л. Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов в США // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 117–131.
5. Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М. : «Восточная литература» РАН, 1999. 334 с.
6. *Структурные изменения экономики Китая*. М., 1997.
7. Жэньминь жибао. 1981. 14 декабря.
8. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). Пекин : Изд-во лит. на иностр. языках, 1985. 496 с.
9. Ганишин Г.А. Экономическая реформа в Китае. Эволюция и реальные плоды. М. : Восточная литература, 1997. 205 с.
10. Юй Гомин, Лю Сянь. Чжунго минь яньцзю. Пекин : Жэньда дасюэ чубаньшэ, 1996. 54 с.
11. *Перспективы Китая* (Чжунго цзоусян) / под ред. Ху Аньгана. Ханьчжоу : Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2000. 381 с.
12. *Чжунго шэхуй чжибяо* лилунь юи шицзянь. Пекин, 1989. 80 с.
13. Цзинь Сицзай, Ян Вэйбинь. Вого шэхуй цзинци шэнхо чжун ды пинцзюнчжун вэнти // Дунбэй шида сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). Чанчунь. 1991. № 4. С. 2–5.
14. *Переход к рынку в КНР*. Общество, политика, экономика. Сборник обзоров. М. : ИНИОН, 1994. С. 64.
15. *Экономическая реформа и социальные группы* // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. М. : ИНИОН, 1994. 121 с.
16. Fumio Itoh. China in the XXI century: politics, economy and society. Tokyo, 1997. 287 p.
17. Уотерс Г.Дж. Стратегия экономического развития в Китае на XXI век. Вестпруф, 1997. 287 с.
18. Ван Сиэнь. Социалистическая рыночная экономика и национальное самосознание в Китае // Миньцзю яньцзю. Пекин, 1998. № 3. С. 1–9.
19. Уотерс Г.Дж. Указ. соч. С. 207.
20. Чжан Хэфэн. Государственная периодическая печать о проблемах модернизации китайского общества в 1970–90-е годы : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. 232 с.
21. *Общественные науки и положение в университетах Китая* // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10. Китаеведение. 1995. № 1. С. 77–90.
22. *Развитие науки и техники в 80-е годы* // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10. Китаеведение. 1992. № 4. С. 14–15.
23. *Предварительные итоги 4-й переписи населения в КНР* (Сводный реферат) // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10. Китаеведение. С. 47–48.
24. *Чжунго сяндай жогань мубяо фэнси* // Чжунго шэхуй кэсюэ. Пекин, 1992. № 3. С. 99–117.
25. *Китайская Народная Республика в 2000 г.*: Политика, экономика, культура. РАН. Институт Дальнего Востока. М., 2001. 432 с.
26. Martellaro J.A. Economic growth in East Asia and the Confucian ethic // Asian profile. Hong Kong. 1991. Vol. 19, № 1. P. 82–91.
27. Линь Минь. Поиск современности: китайская интеллектуальная дискуссия и общество. 1978–88 – Случай Ли Цзэхуо // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. 1994. № 3. С. 82–85.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 апреля 2014 г.

CONDITIONS AND FACTORS OF CHINESE INTELLIGENTSIA DEVELOPMENT DURING THE SOCIETY MODERNIZATION PERIOD (LAST QUARTER OF THE 20TH CENTURY)

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 51–60. DOI: 10.17223/15617793/382/9

Barlukova Oxana D. Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: oxanal06@mail.ru

Keywords: intellectuals; society; conditions; factors; structure; China.

The conditions and factors of development of Chinese intelligentsia in the society are analyzed in this article. They suffered essential changes comparatively with the period before the Cultural Revolution. The object and subject, methodological approaches of the research work are defined. Intellectuals became a more active social group that could influence the way, content and the tempo of the reforms. The social structure, functions and the origins of reproduction are exposed to transformation. In the process of economic, political and social transformation the role of Chinese intelligentsia was rising at the end of the 20th century. Further development of China was connected with it. The process of Chinese society modernization in the last quarter of the 20th century was the main condition of development of intelligentsia. It is a small social stratum active in society reforms and its role is significant. Traditional society modernization is a complicated process in all spheres of the society: economic, social, political and spiritual. The state initiated it and governs it strictly in China. The beginning of Chinese society modernization was the Third Plenum of the Central Committee of the CPC in December 1978. Reforms in economy gave rise to various types of property resulting in different intelligentsia incomes, different development rate in the regions of the country, the city and the village. Uneven development of the regions resulted in the "drain-away" to the south. The discrepancy between education, science-technical potential and economic development demands, a large number of illiterate people, poor quality of elementary education, a small number of those wishing to continue education in high schools required changes in the organization and support of educational process, especially in higher school. China successfully solves these problems. An important factor for intelligentsia evolution is education modernization. Chinese government recognizes the fundamental role of education in country reforms. Education, science and culture development is connected with the stronger position of Confucianism. Modern Confucianism mission is to increase national self-consciousness and belief of the nation in its power. It is necessary to form the civil awareness of the population. The following factors helped to create conditions for intelligentsia functioning in China: economic reforms, political and law institutes of civil society development. The adversarial psychological factors were the fear of change, distrust to the outside world, fear of possible destabilization. The conditions and factors for Chinese intelligentsia development in modern society are generally favorable. Chinese intelligentsia is developing in the conditions of a quickly modernizing unitary state with a huge territory and population, traditions, single-party system and powerful position of the center. Reforms of Chinese society show some similarities with the post-perestroika Russian history, for instance, struggle of conservatives and reformists. Unlike Russia, China's state regulation is and was more effective.

REFERENCES

1. *Kratkaya filosofskaya entsiklopediya* [A Brief Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Progress-Entsiklopediya Publ., 1994. 576 p.
2. Frolov I.T. (ed.) *Filosofskiy slovar'* [The Dictionary of Philosophy]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 560 p.
3. Berger Ya.M. Modernizatsiya i traditsiya v sovremennom Kitae [Modernization and tradition in modern China]. *Politicheskie issledovaniya – Polis Journal*, 1995, no. 5, pp. 60-67.
4. Bereznyy L. Amerikanskaya istoriografiya novoy istorii Kitaya: krizis paradigm? Zametki o diskussiyakh sinologov v SSHA [American historiography of modern history of China: the crisis of paradigms? Notes on discussions of sinologists in the U.S.]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2001, no. 3, pp. 117-131.
5. Nepomnin O.E., Men'shikov V.B. *Sintez v perekhodnom obshchestve: Kitay na grani epokh* [Synthesis in a transitional society: China on the verge of the eras]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS Publ., 1999. 334 p.
6. Girich L.M. (ed.) *Strukturnye izmeneniya ekonomiki Kitaya* [Structural changes in China's economy]. Moscow, 1997.
7. *People's Daily*, December 14, 1981. (In Russian).
8. Deng Xiaoping. *Selected Works (1975-1982)*. Beijing: Foreign Languages Press, 1985. 496 p. (In Russian).
9. Ganshin G.A. *Ekonomicheskaya reforma v Kitae. Evolyutsiya i real'nye plody* [Economic reform in China. Evolution and real outcomes]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1997. 205 p.
10. Yu Guoming, Lyu Syayan. *Chzhungo min'i yan'tszyu*. Beijing: Zhen'da dasyue chuban'she, 1996. 54 p. (In Chinese).
11. Perspektivy Kitaya [Prospects of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2001, no. 2, pp. 179-181.
12. *Chzhungo shekhuy chzhibyao lilun' yui shitszyan'*. Beijing, 1989. 80 p. (In Chinese).
13. Tszin' Sitszyay, Yan Veybin'. Vogo shekhuy tszintszi shenkho chzhun dy pintszyunchzhui ven'ti. *Dunbey shida syuebao. (Chzhesyue shekhuy kesyue ban')*, Chanchun', 1991, no. 4, pp. 2-5. (In Chinese).
14. Berger Ya.M. (ed.) *Perekhod k rynku v KNR. Obshchestvo, politika, ekonomika* [Transition to the market in the People's Republic of China. Society, politics, economics]. Moscow: INION Publ., 1994, p. 64.
15. Berger Ya.M. (ed.) *Perekhod k rynku v KNR. Obshchestvo, politika, ekonomika* [Transition to the market in the People's Republic of China. Society, politics, economics]. Moscow: INION Publ., 1994, pp. 59-87.
16. Fumio Itoh. *China in the XXI century: politics, economy and society*. Tokyo, 1997. 287 p.
17. Waters H. *Strategiya ekonomicheskogo razvitiya v Kitae na XXI vek* [Strategy of economic development in China in the 21st century]. Translated from English. Vestproof, 1997. 287 p.
18. Van Sien'. *Sotsialisticheskaya rynochnaya ekonomika i natsional'noe samosoznanie v Kitae* [Socialist market economy and national identity in China]. *Min'tszo yan'tszyu*, Beijing, 1998, no. 3, pp. 1-9. (In Chinese).
19. Waters H. *Strategiya ekonomicheskogo razvitiya v Kitae na XXI vek* [Strategy of economic development in China in the 21st century]. Translated from English. Vestproof, 1997, p. 207.
20. Chzhan Khefen. *Gosudarstvennaya periodicheskaya pechat' o problemakh modernizatsii kitayskogo obshchestva v 1970-e –90-e gody*. Diss. k.polit.n. [State periodicals on the problems of Chinese society modernization in the 1970-90s. Political Sciences Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2001. 232 p.
21. Obshchestvennye nauki i polozhenie v universitetakh Kitaya [Social Sciences and the situation in China's universities]. *RZh. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaya literatura. Seriya 10, Kitaevedenie*, 1995, no. 1, pp. 77-90.
22. Razvitie nauki i tekhniki v 80-e gody [The development of science and technology in the 80s]. *RZh. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaya literatura. Seriya 10. Kitaevedenie*, 1992, no. 4, pp. 14-15.
23. Predvaritel'nye itogi 4-y perepisi naseleniya v KNR [Preliminary results of the 4th population census in China]. *RZh. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaya literatura. Seriya 10. Kitaevedenie*, pp. 47-48.
24. Chzhungo syan'day zhogan' mubyao fen'si. *Chzhungo shekhuy kesyue*, Beijing, 1992, no. 3, pp. 99-117. (In Chinese).
25. *Kitayskaya Narodnaya Respublika v 2000 g.: Politika, ekonomika, kul'tura* [The People's Republic of China in 2000: Politics, economy, culture]. Moscow: RAS Institute of the Far East Publ., 2001. 432 p.
26. Martellaro J.A. Economic growth in East Asia and the Confucian ethic. *Asian profile*, Hong Kong, 1991, vol. 19, no. 1, pp. 82-91.
27. Lin' Min'. Poisk sovremennosti: kitayskaya intellektual'naya diskussiya i obshchestvo. 1978-88 – Sluchay Li Tszechou [Search for Modernity: Chinese intellectual discussion and society. 1978-88. The history of Li Tszechou]. *Rzh. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaya literatura. Seriya 10, Kitaevedenie*, 1994, no. 3, pp. 82-85.

Received: April 10, 2014